18+

ВИТАЛИЙ ТРАНДУЛЬСКИЙ

Карбункул — Тульский кошмар

Виталий Трандульский

Карбункул — Тульский кошмар

«Издательские решения»

Трандульский В.

Карбункул — Тульский кошмар / В. Трандульский — «Издательские решения»,

В Тульской губернии 1850-х годов регулярно вводил в страх всю округу беспощадный и безжалостный серийный убийца по прозвищу Карбункул. Охоту вел на молодых барышень, и выходил на кровавую жатву раз в год в одну и ту же дату, но много лет никто не мог предотвратить его кровавый поход.Герои, ведущее это смелое расследование, даже представить не могли, насколько близок маньяк.

© Трандульский В.
© Издательские решения

Содержание

2025 г. 6
Глава первая 7
Глава вторая 9
Скоро двадцать пятое 9
Глава третья 15
Тула. 25 июля 1855 года 16
Глава четвёртая 19
ДОПЕЛЬГАНГЕР — КАРБУНКУЛ 24
Глава пятая 25
Глава шестая 29
Глава седьмая 33
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Карбункул — Тульский кошмар

Виталий Трандульский

© Виталий Трандульский, 2026

ISBN 978-5-0071-6902-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

2025 г.

Глава первая

Тревожное утро пятьдесят четвёртого.

Газета «Тульские ведомости» вышла в понедельник 27 июля 1854 года не как полагалось. Обычно она печаталась в своей еженедельной, двух полосной вёрстке и состояла из двух частей. Официальной — где издавались общегосударственные манифесты, указы, постановления и конечно же последние вести с фронта, и не официальной, где располагались внутренние события Тульской губернии. Сначала разумеется должна была идти официальная часть газеты, за ней не официальная. Но только не в это утро.

Сегодня, в руках газетчиков, на первой странице ведомостей красовался не имперский двуглавый орёл, а геральдический щит с клинками, это означало что не официальная часть была расположена первой. Так было и ровно год назад, и два года и в первый раз, три года назад, когда маньяк, убийца только дебютировал. Газетчики сегодня не выкрикивали ярких заголовков. Понурые, с низко опущенной головой, они шатались по заполняющимся улицам, и просто бубнили себе под нос — газета, газета, газета. — Они были в курсе случившегося раньше других. Получив свои стопки ведомостей ещё до шести утра и прочитав главные события, теперь они буквально робели перед каждым покупателем, желающим приобрести газету. Газета стоила дорого, но сегодня её покупал каждый.

— «Карбункул — злой гений». — Так называлась статья — виновница, вновь поразившая Тулу и её окрестности. Обширная передовица ошарашила горожан новым делом душегуба — убийцы, который изощрённо убил молодую девушку. Подобное несчастье постигало Тулу раз в год, в один и тот же день, 25 июля.

— Уже четвёртая. — Шептались люди на улице, хватаясь за голову, в негодовании.

Местные публицисты со всей присущей им резкостью, описывали подробности жуткого преступления, всячески громя городскую и земскую полицию, за бездействие. И хотя в губернии, по причине бытовых инцидентов и несчастных случаев, на улице с жизнью расставалось куда больше народу, в том числе и молодых девушек, именно этот случай ужасал Туляков в самой высшей мере.

«Серийный маньяк», словосочетание, позаимствованное в России не так давно из французских фельетонов, слетало с каждой строчки статьи, повергая в панику каждого второго.

На этот раз жертва душегуба сама работала в газете. Она проживала одна, в маленькой квартирке, на втором этаже дома номер восемь по Ново—Павшинской улице. Как всегда, в выходной, засидевшись за новой статьёй допоздна, она уснула прямо над рукописью. Убийца залез к ней через окно, используя водосточную трубу, как лестницу. Картина читателям представлялась ужасающей. Татьяна Кузнецова была застигнута прямо во сне. Маньяк очевидно мучил молодую девушку около получаса. Платье на ней выглядело буквально истерзанным, оголяя грудь, плечи, бёдра. Глубоко во рту был засунут кляп, шею уродовала ярко красная, а скорее даже фиолетовая борозда от удавки. Несколько пальцев на правой руке прокушены. Следственные приставы полагали что убийца прокусывал пальцы чтобы жертва не потеряла сознание раньше времени, когда её душили. Вот собственно и всё чем пока могли похвастаться следственные органы. Как и в предыдущих случаях с Анфисой Роговой, Настасьей Луговской и Екатериной Пельт, которых злодей истерзал ранее, не было ни следов, ни свидетелей, ни малейших догадок, у кого хватило столько злобы и коварства для сотворения такого. Маньяк был по-настоящему талантлив в своём деле, и борзописцы, из местных писак, уже успели обозвать его злым гением и в сравнении его деяний с гнойным нарывом на теле Тульской губернии, с лёгкой руки прилепили зловещее имя — Карбункул. С тех пор в газетах его называли только так.

Шёл 1854 год. В России бушевала Крымская война. Ещё только неделю назад горожан потрясли новости о первых военных неудачах. Росла безработица, повышались цены, страну накрывал финансовый кризис, но страшные вести о Тульском Карбункуле перекрывали любые тревожные события. Читатели не знали лично этих девушек, а некоторые даже никогда не бывали на Ново—Павшинской улице, но мысль о том что где то рядом ходит серийный маньяк — убийца, что такое вообще возможно в их городе, поражало во сто крат больше других бед и горестей.

Глава вторая

Скоро двадцать пятое

Предместье Тулы, 23 июля 1855 года.

Усадьба Дубровицы была, пожалуй, самым знаменитым и вольготным имением в окрестностях Тулы. Располагаясь всего в десяти верстах от города, Дубровицы благоухали невообразимым раздольем и красотой. Тут было всё что душе угодно. И озёра, чистейшие словно майское небо, и заливные луга, и дубовые аллеи. Барские флигеля, коих понастроили около десятка, располагались чёткой фигурой, вокруг основного дома, и представляли собой вершину архитектурного гения. Всё здесь подчёркивало хороший вкус и большой достаток хозяина. Даже дворовые, крестьянские избы, стоявшие чуть в стороне от помещичьих хором, выглядели крайне аккуратно и диковинно.

Проживал здесь никто иной как Викентий Львович Калидонский, почётный горожанин и кавалер ордена святой Анны. Наживая огромные капиталы от сельского хозяйства и реализации на городские и даже Московские рынки, Викентий Львович туго набивал свой кошелёк, часть которого снова пускал в дело на крепостную мануфактуру: суконного, кожевенного и полотняного производства. Викентий Львович знал толк в делах и прибыли добивался буквально из всего что попадалось его глазу, но гордостью своих доходных предприятий он считал производство сидра, с собственных яблочных садов, который неоднократно поставлялся ко двору его императорского величества. Викентий Львович по праву считался самым оборотным и уважаемым помещиком в округе.

Поместье своё Калидонский желал видеть непременно одним из самых лучших в губернии. Большую часть свободного времени он занимался проектированием, перестраиванием, расширением своего Версаля, как он называл поместье. Для этого он постоянно наносил визиты лучшему в губернии архитектору, строителю — десятнику, Валераду Рёдеру, обрусевшему немцу, осевшему в России ещё в пору денежных реформ Канкрина. Целыми днями они вместе просиживали за рабочим столом в кабинете Валерада в раздумьях, чего бы ещё такого улучшить в Дубровицах. Но только не 23 июля.

Утром Валерад сам приехал к Калидонскому, и не один, а привёз в гости всё своё семейство: жену и двух дочерей — близняшек, Маргариту и Кристину. Близилось двадцать пятое число, Карбункул должен был снова выйти на жестокую охоту, и предусмотрительные обыватели принимали меры. Рёдер ещё месяц назад обговорил с Викентием Львовичем просьбу провести с семьёй три дня в Дубровицах и получив согласие, теперь особо усердно старался для благодетеля. На этот раз Калидонский желал в центре усадьбы возвысить четыре бельведера в виде ротонды и Валерад, оставив жену и дочерей на попечение дворовой прислуги, принялся обмерять участок будущего строительства. Через два часа в Дубровицы прибыли три его помощника и работа закипела.

Среди местных не принято было говорить во всеуслышание о деяниях зверя — душителя, Валерад просто привёз дочерей в гости. Помимо Маргариты и Кристины, в поместье также прибыли с ночёвкой несколько дочерей соседствующих помещиков, младшая сестра главенствующего городской думой и дочь какой — то старой знакомой Калидонского, по молодым годам. Всё это выглядело вполне невинно и без подоплёки. Решено было устроить праздник и так как летний день стоял просто восхитительный, столы накрывали прямо на лужайке перед флигелем — библиотекой, в тенёчке от тополей, с видом на озеро.

Девушки быстро сдружились и развлекались шумной компанией, в ожидании приглашения за стол. Прекрасные создания были примерно одного возраста, от шестнадцати до восем-

надцати лет, и конечно же у них нашлись общие интересы. Двадцать четыре было только дочери старой знакомой Викентия Львовича. Её звали Роксана. Она на удивление сразу вписалась в компанию лучше других, много рассказывала о дальних странах, которые успела посетить с отцом, капитаном дальних плаваний и быстро завоевала всеобщее внимание. Все вместе девушки визжали, бегали вокруг озера, играли в кольцеброс, жмурки и просто сплетничали. Верховодила в этой ватаге главное сокровище Калидонского, дочка Аня, красивая, стройная, восемнадцати лет отроду девушка, которую отец называл на европейский манер Анет. Души в ней Викентий Львович просто не чаял. После смерти своей супруги, пять лет назад, Анет стала его первостепенной отрадой, драгоценным алмазом, прекрасным цветочком, которому отец потакал во многих сумасбродствах и капризах.

Вот и сейчас, когда Анет раздурачилась уже не на шутку: громче всех визжала, смеялась, а потом и вовсе забралась по колено в озеро и зачерпнув в ладошки воду, брызгалась в подружек, Викентий Львович ни сделал ни малейшего замечания. Няньки и воспитательницы наблюдая за этим с террасы, фыркали, стреляли глазами, перешёптывались между собой, но не смели сделать даже коротенькой редакции, рискуя навлечь гнев Калидонского.

Сам Викентий Львович расположился на балконе флигеля, который был определён под личный кабинет хозяина. В выходном сюртуке, с орденом, врученным за вклад в дело формирования народного ополчения, Калидонский гордо восседал в любимом кресле, с такой важностью, словно это он сам, а не его крестьяне, отправлялись на Крымскую войну и гибли под турецкой картечью.

Оставлены были гости, отложены дела, хозяина поглотило любимое занятие. Калидонский взирал свои владения. Вот его взгляд устремился на колосящиеся поля, после на пчелиные ульи, и снова вернулся к озеру, где резвились гости и любимая доченька. Дворовым нынче был объявлен выходной. Валерад с помощниками тоже больше для вида расчерчивал участок, по-настоящему все уже изнывали от нетерпения вкусно покушать, а мужчины ещё и отведать наливок и настоек местного изготовления. На службе в этот день были только гайдуки, нанятые Калидонским где-то на востоке, для охраны себя и близких. Около двух дюжин мордоворотов, крепких и высоченных, разбившись по двое, по всему имению степенно обхаживали территории, следя за тем чтобы и муха не проскочила на праздник без приглашения. За опояском у каждого висел пистолет, на портупее армейская сабля. С такими молодцами любой чувствовал себя в безопасности и Викентия Львовича это буквально восторгало. Он, он был здесь всем благодетелем, защитником, надеждой и опорой. Викентий Львович Калидонский, первый помещик, потомственный дворянин, поставщик двора его императорского величества.

Хозяин потянулся в своём кресле и, благочинно прикрыв глаза, решил, что может подремать немного на свежем воздухе.

— Скоро за ним придёт камердинер в ливрее. — Думал он. — Или даже Анет сама решит позвать папу, и его пригласят за стол, где уже соберутся друзья и приятели.

Калидонский просто обожал такие моменты. Его косматую шевелюру припекало солнышко, в воздухе парили бабочки, по перилам балкона прыгали птицы. Чик — чирик. — Подпевал он пернатым, подсматривая за ними одним глазом, но вдруг его слащавую идиллию нарушил топот копыт.

Калидонский дёрнулся в полудрёме и едва не свалился с кресла.

— Что такое? — Встал он и опёрся руками на перила балкона.

Во внутренний двор, верхом на лошади, на полном скаку, влетела Наталья, двоюродная сестра Викентия Львовича. Она всегда ездила слишком быстро и легко могла взбудоражить любое сонное царство, особенно это. Будучи в поместье белой вороной, молодая, хорошенькая Наташа, которую также на манер европейцев называли Натали, шла вразрез с местными порядками и обычаями и потому была не по сердцу Калидонскому. Четыре месяца назад она тоже вернулась с Крымской войны, где состояла сестрой милосердия при госпитале, и

будучи награждённой медалью «За беспорочное медицинское служение, с риском для жизни», к ордену Викентия Львовича имела весьма скептическое отношение и часто об этом высказывалась.

Спрыгнув с чёрного как уголь Урагана, Натали одним взглядом остановила слугу, который хотел взять лошадь под уздцы, и сама повела его в конюшню. Обычно, после прогулок верхом, за барскими лошадьми ухаживали сразу несколько конюхов, но только не за Ураганом. Натали купила чёрного жеребца на свои деньги, и ухаживала за ним только сама. Она вообще не любила, когда за ней прислуживали, а посему, когда переехала в Дубровицы, поселилась не в большом доме, и даже не во флигеле, а в рубленной избе стоящей также на территории усадьбы. Сама убиралась по дому, готовила, колола дрова.

Натали! — Окрикнул Калидонский её с балкона. — Я же просил Вас, любезная сестра, не отправляться на свои конные прогулки без сопровождения.

— Просили, братец, прекрасно помню. Но вот запамятовала почему?

— Что почему?

— Почему мне не следует прогуливаться без сопровождения?

— Да потому что! — Калидонский замялся. — Потому что, такое, такое происходит.

Натали знала, что при всех, а свидетелями разговора были все, кто сейчас находился во внутреннем дворе, по меньшей мере человек пятнадцать, Викентий не станет упоминать по Карбункула, убийства, и что 25 июля уже послезавтра. Натали терпеть не могла нравоучений брата.

— Прошу, любезный братец, не распаляйся, я была осторожна. — Натали откинула в сторону полог плаща и показала, что расположилось у неё на поясе. Там прямо на ремешке её верхового платья — амазонки, была застёгнута кобура с револьвером.

Калидонский лишь поморщился. — И это у меня в имении, в моём Версале, в моих замечательных Дубровицах, и такая язва. — Подумал он.

— Сегодня гости, рассчитываю, сестра, ты почтишь нас за столом своим присутствием. — Спросил хозяин вдогонку, надеясь заранее, что неучтивая нахалка откажется.

— Натали с ходу разгадала уловку. — Нет братец, празднуйте без меня, что-то не здоровится, извинитесь за меня перед гостями. Вас, с вашим легендарным орденом, для фурора будет вполне достаточно.

Калидонский инстинктивно схватился за позолоченный крест, у себя на груди и задрожал от гнева. — Что ты хочешь сказать, я эту награду верой и правдой заслужил, перед отечеством.

Натали гневно зыркнула. — Интересно, а что бы сказали твои крепостные, которые за этот орден под Кюрюк—Дарином свои головы положили, вот бы их сегодня тоже на твой праздник позвать.

Викентий даже зашипел от раздражения, но сказать ничего подходящего не нашёлся. Натали гордо отвернулась и повела Урагана в тенёк, обедать. В последнее время всё общение между братом и сестрой сводилось только к ссорам и гневным выпадам. Называя друг друга то на Вы, то на ты, более двух минут без оскорблений их разговор не продолжался, а потому общение сводилось к минимуму, и даже не ежедневному. Более всего Калидонский боялся, что дурной пример тётки отразится на Анечке, и всякий раз просил дочь быть осмотрительнее. Разница в возрасте Анет и Натали составляла не многим более семи лет, естественно, девчонки общались между собой, хоть пока и не приятельствовали. Переживать было за что.

Калидонский в возбуждении забегал по балкону. В одну минуту его вдруг всё стало раздражать. Его, самого Викентия Львовича унижают при собственных слугах, ставят под сомнения его заслуги, и главное кто, соплячка, двоюродная сестра, которая хоть и имеет право на часть имения, поскольку Дубровицы, в своё время выдавались ещё их деду, но не понимает в хозяйстве ровным счётом ничего.

— Подумаешь на войне побывала. — Забубнил он себе под нос. — Подумаешь фронт, не сама же она там с турками в штыковой дралась. Мой вклад в победу куда важнее, как будто так просто взять и отдать часть своих крепостных в солдаты. Люди тоже денег стоят, особенно мужики, особенно молодые.

Хозяин понял, что до сих пор бегает по балкону. — Вот чёрт, что обо мне гости подумают: приказчики, слуги. В моём возрасте к таким фортелям уже надо относится более спокойно. А то словно не пятидесятилетний юбилей отпраздновал, а гимназист второгодник какой-то.

Калидонский начал блуждать взглядом по окрестностям. — Чем, чем бы мне себя успокоить? Сходить на псарню, щенков из нового помёта потискать? Нет, не то. Партию в бильярд с Валерадом, перед застольем? Нет, тоже не то.

Вдруг его отвлёк знакомый металлический гул, словно вместе сшиблись две наковальни.

— Вот оно! — Вольдемар, ну конечно же, мой Володя.

Калидонский покинул балкон, на ходу прихватил сигары, которые специально для него заказывала одна табачная лавка, и спустившись по лестнице, оказался на террасе флигеля кабинета. Отсюда была видна спортивная площадка, на которой упражнялся его сын Владимир, Вальдемар, как Калидонский, по привычке, переиначил имя.

Высокий, прекрасно сложённый юноша сейчас тягал гири. Вот откуда был этот металлический звук. Обнажённый до пояса, он взмывал пудовые снаряды над головой и подрагивая мускулами, саркастически улыбался всем девушкам и женщинам, которые в смущении опустив глаза, вынуждены были проходить мимо. Раздеваться, хоть только и до пояса, на людях, особенно благородным господам, было не принято, но детей Калидонского это не касалось. Вальдемару и Анет в поместье вообще старались не делать замечаний. Моральным воспитанием детей Викентий Львович занимался только сам и только он мог нравоучать, запрещать и даже прикрикнуть. Но сейчас хозяин напротив чувствовал умиление. Его сердитость после разговора с Натали моментально улетучилась и, закурив сигару, он развалился прямо на деревянных ступеньках террасы и стал любоваться сыном. Если Анечка для Калидонского была отрадой, то Владимир — гордостью и опорой.

Двадцатипятилетний атлет был действительно хорош. Высокого роста, плечистый и статный он имел слегка нагловатое выражение лица, взъерошенные русые волосы, уверенный взгляд. Он нравился в Дубровицах буквально любой особи женского пола от восьми до восьмидесяти.

Три года назад он отбыл в Пруссию, которая придерживалась нейтралитета в Крымской войне. Там молодой человек постигал Европейские науки, учился танцам и фехтованию, освоил несколько языков в пансионе тёти самого короля Вильгельма, и вот, наконец, вернулся в родные пенаты. Было, было кому оставить дело. Было на кого возложить свою империю.

Меж тем на спортивную площадку уже направлялась компания девушек во главе с Анет. Роксана держалась уверенно, Маргарита и Кристина чуть попроще, а соседские простушки, не имевшие такого шикарного образования, как Калидонские, очень смущались и почти падали в обморок при виде полуголого мужчины. Вальдемар решил усилить эффект. Швырнув гири на землю, он опрокинул на себя ушат холодной воды, промочив брюки и повис на турнике, выполняя растяжку. Вся женская процессия замерла как вкопанная. Только Анет, на правах сестры, прошла на площадку и попробовала поднять самую маленькую гантельку, и Роксана, которая ловко вскочила, одной ногой, на рукоять для захвата, валяющийся гири и театрально подняв оби руки в верх, балансировала удерживая равновесие.

— Браависсимо!!! — Удивлённо воскликнул Вальдемар, спрыгивая с турника. Роксана ему явно понравилась.

Молодой человек часто оказывал девушкам знаки внимания, но по-настоящему интересовался ими крайне редко. То обхождения их были слишком жеманны, то книги, цитируемые ими слишком скучны, но Роксана порушила все стереотипы. Стройная, изящная девушка,

походившая на цыганку за счёт чёрных, вьющихся волос и карих глаз, обворожила молодого барина. С тренировкой было покончено. За праздничным обедом он намеривался сесть рядом с ней.

Утром, когда Роксана только приехала в Дубровицы, отец их представлял друг другу, поэтому Вальдемар решил начать ухаживания словно они старые знакомые.

— Здорово у Вас получается, такое владение телом достойно артистки цирка.

Вальдемар подошёл вплотную, слегка нарушив личное пространство и подал Роксане руку.

— Право, вы мне льстите, Володя. — Кокетливо улыбнулась гостья, спрыгивая со снаряда. — Ваша гиря очень тяжёлая, на ней не трудно балансировать, а вот поднять такую махину действительно задачка не из лёгких. Вы настоящий силач.

— Атлет. — Поправил её молодой хозяин. — Так в Европе называют людей, упражняющихся с отягощениями.

— Да, да, ваша сестра уже успела похвастаться всем нам, что вы владеете множеством языков и можете растолковать буквально любое слово.

Роксана начала заигрывать. Изящно освободив руку, она вернулась к подружкам и интригующие ухмыляясь взяла тон, словно она учительница на экзамене.

— Так вот, Владимир Викентьевич, мы здесь собственно за этим. У нас зашёл спор, и мы хотели бы вас попросить дать объяснение одному необычному и очень редкому слову.

Вальдемар всё больше возбуждался при общении с сегодняшней гостьей. Его самолюбие от слов, что он стал предметом всеобщего спора, мгновенно прошибло потолок, и по-гусарски поклонившись, молодой человек отрапортовал. — Прошу, милые дамы, давайте ваше слово, я разделаюсь с ним, как медведь с сыроежкой.

Роксана подмигнула подружкам, и все вместе, девушки хором выдали — ДОПЕЛЬГАНГЕР.

Лицо Вальдемара исказилось до неузнаваемости. Его глаза округлились настолько, словно он увидел привидение. Скулы надулись, и вся мимика в один миг стала настолько непонятной, словно выражала испуг, злость, обиду и отчаяние одновременно.

Все девушки и даже сестра очень испугались такой реакции и отшатнулись на несколько шагов от площадки, но Вальдемар вдруг осёкся, понимая, что перепугал гостей, и натянув на физиономию фальшивую улыбку принялся исправлять ситуацию.

— Ах, допельгангер!!! — Голос Вальдемара дрожал и запинался. — Допельгангер, допельгангер. Ну конечно же, допельгангер! Это кузнец наш Прохор, вечно он своему самогону имена придумывает. Третьего дня он такую бормотуху нагнал, вырви глаз, одним словом. Спотыкач он её назвал, а потом ползал по двору, когда пол литра этого спотыкача в одну харю выпростал. Я на следующий день остатки в бутыле понюхал, едва сознания не лишился. Вулкан какой-то, а не спотыкач. На старых портянках он его что ли настаивает. А нынче у него допельгангер, видимо. Вот стервец, если опять до беспамятства напьётся, плетьми самолично попотчую.

Обстановка разрядилась. Девушки дружно засмеялись, и забыли про секундное замешательство Владимира.

— Нет, нет, нет. Никакой это не самогон, а вот и не верно, вот и неправильно.

Вальдемар театрально закатил глаза и слегка стукнул себя ладонью по лбу. — Ах, я ошибся, ах, позор на мою голову, милые дамы, расскажите, что же это за слово и где вы его слышали. Поведайте мне, умоляю, а не то от стыда утоплюсь я сегодня ночью, и не поболтаем мы с вами боле, никогда.

Подружки буквально заливались от смеха. — Нетушки, нетушки, попробуй угадать ещё раз.

Молодой человек перестал кривляться и опять подошел к Роксане. — Это ведь Вы где-то слышали это слово?! Прошу, расскажите мне, где и когда оно стало вам известно.

Роксана была невозмутима, словно происходящее шло по её сценарию. Интрига достигла апогея. — Извольте. Я слышала это слово в городе, только вчера. Во втором почтовом отделении. Один господин ругался со служащим из-за задержки посылки, которая где-то застряла, на один день. Они кричали друг на друга, и в разговоре прозвучало это слово. Причём служащий как-то сразу насторожился и попросил господина продолжить разговор на улице.

— И это всё? — Уточнил Владимир.

— Всё.

Какое-то время все молчали. Происходило что-то странное и совершенно не соответствующее празднику.

Паузу нарушил Вальдемар. — А что же вы тут стоите, девушки?! Я видел повара, он искал вас, просил на кухню зайти, попробовать десерт. Он бланманже сегодня готовит.

Подружки опять отвлеклись, и почти в припрыжку полетели на кухню. Едва не сбив с ног кухарку, шумная ватага стала срывать крышечки с сотейников и кастрюлек, в поисках диковинного кушанья. Каждой хотелось найти десерт и непременно первой его попробовать. Стряпухи спросили в чём дело. К удивлению гостей, и Ани, никакого бланманже сегодня не готовилось, и повар их не искал.

Компания высыпала из кухни на террасу большого дома намереваясь дать взбучку за глупый розыгрыш, но спортивная площадка была уже пуста. По двору в сторону конюшни пробежал Самбор, двухметровый мужик, денщик Вальдемара, которого молодой хозяин привёз из Пруссии. В руках он тащил тяжеленный мешок, в котором звякало что-то металлическое.

— Самбор, ты не видел Вальдемара? — Окрикнула его Аня.

Великан даже не повернулся к девушке. Огромными шагами он миновал двор и скрылся за воротами конюшни, а через несколько секунд, верхом на гнедых жеребцах Владимир и денщик выскочили в леваду и на всех парах понеслись прочь от поместья.

— Пошёл. — Прикрикивал молодой хозяин, стегая лошадь нагайкой.

— Быстрее. — Вторил ему Самбор.

Пыль, поднятая столбом, кутала дорогу, скрывая быстро удаляющихся всадников.

Больше этих двоих никто не видел.

Через несколько дней редакторам «Тульских ведомостей» пришлось придумывать ещё один страшный заголовок.

Глава третья

Остерегайтесь в час ночной вы под окном коварной тени.

Тула. 25 июля 1855 года

«Салон вечернего платья мадам Жужу», а точнее, как было отмечено в канцелярской книге, «модный дом Зинаиды Григорьевны Легостаевой», располагался в самом центре города. Киевская улица вообще была образцом Тулы. Ровные тротуары, без ухабов и рытвин, шли от самого Кремля и заканчивались городской заставой. Прямо напротив салона располагалась контора дилижансов, а слева лучшая гостиница в городе.

Разумеется, Киевскую, в первую очередь, касалось любое новшество, затеваемое в городе. Здесь самыми первыми появились: цветочные клумбы, маленькие, уютные скверы и примечательное новшество середины девятнадцатого века — газовые фонари.

Эта часть Тулы была словно отдельным государством и её почти не затрагивали несчастья остального города. Получить место под салон на Киевской, да ещё и в таком красивом двухэтажном доме, для простого обывателя было практически невозможно, и всё же Зиночке это удалось. Сыграло роль упрямство девушки, её природное обаяние, а, скорее всего, взятка на которую отец, отставной штаб — майор, потратил почти все свои деньги. Но тем не менее свидетельство на право открыть салон было выдано и теперь висело для всеобщего обозрения в холе, в золотистой рамочке.

Зиночка души не чаяла в своём салоне. Такая молодая и независимая она уже являлась хозяйкой доходного предприятия. Сбылась её заветная мечта, о которой она грезила ещё маленькой. Что ещё можно было желать от жизни!?

Засидевшись над книгой заказов, она пропустила, как часы пробили девять, а потом и десять, и только когда маятник часов прогромыхал одиннадцать вечера, вдруг пришла в себя и отвлеклась от записей.

— Ого!!! — Сказала она в слух. — Засиделась я, однако. — Болтать сама с собой, пока никто не слышит, было её вторым любимым занятием, после пошива модных платьев.

— Хорошо, что я решила ночевать сегодня в салоне. — Зевнула она, поправляя простыню на диване в прихожей, которую вместе с одеялом захватила утром из дома.

— Встану завтра пораньше и перепишу все новые отрезы сатина, присланные из Петербурга. Сколько всё-таки сил и времени занимает собственный салон. — Саркастически произнесла девушка, улыбаясь себе в зеркало.

— Вот и вчера допоздна задержалась, и в понедельник тоже, и сегодня.

Девушку в одно мгновение охватил леденящий приступ. Она вдруг вспомнила, почему на самом деле решила ночевать сегодня в салоне.

— Сегодня же двадцать пятое июля. Сегодня Карбункул снова …….

Зина не решилась договорить последнюю фразу. Глядя на своё отражение в главной приёмной салона, она понимала, что очень даже подходит под ту категорию девушек, на которых охотился серийный убийца. Аппетитная пышка, с арбузной грудью, вьющимися каштановыми локонами причёски «фонтанжи» и миловидным личиком, она должна быть просто первой в списке маньяка. Во всяком случае, Зина так считала.

Отец непременно настаивал, чтобы дочь ночевала сегодня у него в имении, ссылаясь на то, что квартира, купленная на Ново—Павшинской улице, слишком ненадёжное место для незамужней девушки. Он даже прикрикнул на дочь, но любя её всем сердцем, долго нравоучать был не способен. Старый Майор отступил, когда Зинаида пообещала ночевать двадцать пятого у своей кузины, и по простоте душевной поверил на слово, не проверив намерений дочери.

Зина же собиралась ночевать непременно в салоне. По её мнению, это было самое безопасное место в городе. — Чего со мной может случится? Из-за этих замечательных фонарей, на улице светло, как днём. В скверах полно народу, а уж городовые так и шныряют под окнами.

Не успела она произнести последнюю фразу, как с улицы раздался аккуратный, но очень чёткий стук в дверь. Сердце Зины дрогнуло. Она инстинктивно прижалась спиной к стене и не сводила взгляда с двери. Странное и очень неуютное предчувствие обуяло девушку.

— Косяк усилили стальными штырями. — Всплыл в памяти разговор с рабочими, которые месяц назад устанавливали дверь. — Качественная работа, не сомневайтесь, тараном не вышибешь. Створки дубовые, ригеля-бронза, щеколда в ладонь толщиной.

— Вот дура! — Снова заговорила с собой хозяйка салона. — Чего испугалась! Что может случиться? Должно быть, какой-нибудь подвыпивший постоялец из гостиницы, прогуливаясь по мостовой, увидел в окнах салона свет и решил, что ещё не закрыто.

Зина взяла со столика в прихожей керосиновую лампу и почти уже закрутила фитилёк, как в дверь снова постучали.

— Кто там? — Ели слышно, решилась спросить девушка, в замочную скважину.

Ответили не сразу. Очевидно, визитёр уже отошёл от двери, но вот шаги раздались у самого порога, поздний гость вернулся.

— Это надзорный, городовой Елисеев, Пётр Парфёнович, к вашим услугам. — Голос полицейского звучал крайне взволновано.

— Прошу прощения, барышня, что беспокоим вас в столь позднее время. Патрулируем и вдруг увидели свет в ваших окнах. Дело в том, что из дома напротив, какая-то старушка, которая по-видимому из ума уже выжила, видела, как по водосточной трубе некто в окно второго этажа залезает. Проверяем на всякий случай. Вы в салоне одна?

— В моё окно?! — Ойкнув, спросила через дверь Зинаида.

— В том—то и дело, что она точно сказать не может. Может в Ваше окно, может слева, может справа, а может, ей вообще почудилось. Не надёжная старушка, прямо скажем, паникёрша.

— Уверяю Вас Пётр Парфёнович, ко мне никто не залезал. Я только что была на втором этаже и там всё благополучно.

— Вы одна в салоне? — Повторили вопрос из-за двери.

— Одна. Помощницы домой отправились. А какое это имеет значение?

— Просто волнуемся за Вас. — Ласково ответил голос.

— Ну что там, всё в порядке? Никого? — Спросили из-за двери, куда — то строну. — И окна были закрыты?

Зина поняла, что к городовому подошёл напарник.

— Барышня. — Снова обратились к ней. — А у вас окна, на втором этаже закрыты?

— Нет. — Вдруг вздрогнула, уже немного успокоившаяся Зинаида. — Сейчас я их закрою.

— Оставайтесь на месте, барышня. — Голос стал более строгим. — Позвольте мы сами проверим, откройте дверь, будьте так любезны.

Зинаида перепугалась уже не на шутку. Мысль, что в салоне она один на один с маньяком, повергла её в ступор. С трудом отдавая отчёт происходящему, она схватилась за ручку щеколды и задёргала её в правую сторону, но щеколда была очень тугой и не поддавалась.

— Господи, Пётр Парфёнович, щеколду заело, у меня не получается открыть дверь. — Зина и без того была натурой весьма впечатлительной, а в этой ситуации просто мгновенно впала в истерику.

— Помогите мне пожалуйста, мне кажется кто-то спускается по лестнице.

Девушка рвала ручку щеколды в разные стороны, но она не двигалась с места.

— Зинаида, Зинаида. — Снова раздался голос с улицы. — Возьми себя в руки. Я надавлю на дверь с наружи, а ты по моей команде дёргай за ручку. Я спасу тебя Зинаида. Приготовились. Давай!!!

Зина даже подумать не осмеливалась, чтобы обернутся к лестнице, ведущей на второй этаж. Страх колотил её, как январский мороз колотит бездомного путника. Девушка почувствовала, как на дверь навалились с той стороны и снова потянула за ручку.

— Щёлк. — Раздалось наконец от сломавшейся задвижки.

Зинаида рванула на себя дверь и в тот же миг её сознание обожгло. — Я же не называла городовому своего имени.

— Божечки. — Едва шевелясь вымолвили её побледневшие губы.

На пороге стоял мужчина с совершенно диким, даже бешенным лицом. В тусклом свете уличных фонарей глаза его сверкали красно — кровавым цветом. Он был один и вовсе не в полицейской форме, на нём был чёрный плащ.

Зина начала ловить ртом воздух, не в силах выкрикнуть даже самый короткий звук. Он шагнул через порог и плавно прикрыв дверь, задвинул за собой щеколду, которая на сей раз предательски поддалась.

— Помогите!!! — Неожиданно вырвалось у девушки. Всплеснув руками, она бросилась прочь от двери. Задев со столика ночную лампу Зина перевернула её на пол, ударившись бедром об острый угол мебели. Послышался стеклянный звон и коридор моментально утонул во мраке. Грубая мужская рука схватила Зинаиду за плечо, когда она уже бежала по лестнице. Толчок в спину моментально впечатал её в ступеньки, твёрдые металлические ступеньки с ребристой поверхностью. Тяжёлая массивная фигура навалилась с верху.

— Помог……. — Утонуло в чёрной комнате, когда Зина снова пыталась звать на помощь. Шерстистый, до тошноты противный привкус ощутился во рту. Он заткнул девушке рот кляпом, едва не выбив передние зубы. Колени были разбиты и ноги скользили на ступеньках. Девушка практически потеряла силы не в состоянии скинуть его, но, когда мерзкие руки начали рвать платье на нежном девичьем теле она снова начала сопротивляться. Вывернувшись под ним на спину пару раз ей удалось полосонуть ногтями по его шее и щеке, но напавший словно набирался сил, когда она отбивалась. Он хрипел, рычал, даже смеялся, и всё рвал и рвал на ней платье. Вместе с клоком волос маньяк сорвал с её головы шёлковую ленточку, которую ей подарила подруга, что работала в её салоне. Через секунду шёлк в виде удавки сдавил или даже врезался в лебединую шейку жертвы. Зинаида глухо застонала, уцепившись за маленькую каёмочку ленты, но пересилить мужскую хватку не могла. Возможно, пытайся ещё раз оцарапать его, она могла бы попасть ему по глазам и, скинув его, убежать от страшной участи, но момент был настолько ужасным, что бедная девушка ничего не могла сообразить. Вот одна её рука безвольно отпустила удавку, вот отвалилась другая. В глазах мутнело, ноги наливались тяжёлым свинцом, силы покинули девушку, стало совсем тихо.

Глава четвёртая

День рождения.

Поместье Дубровицы. 1 июля 1856 года.

— Не ладно нынче в нашем королевстве. — Ворчал Яков Моисеевич с самого утра, обходив поместье. Странно было даже подумать, что блистательные Дубровицы, Дубровицы славившиеся на всю губернию, всего за один год потеряют весь свой лоск и великолепие. Якову Моисеевичу Лукину, который служил у Калидонского управляющим уже пять лет, было это понятно, как никому другому. Каким хозяйством он управлял ещё совсем не давно, какие премии получал за старание и усердие, теперь это всё уплывало в прошлое. Дела в поместье приходили в запустение. Хозяин решительно не желал вникать в прибыльные предприятия, и не давал на них ни денег, ни согласия. Дубровицы ещё приносили доход, но по сравнению с тем что было в 1854 и начале 1855 года, это была лишь восьмая, а то и десятая часть прибыли от возможной.

После того, как пропал Вальдемар, Калидонский бросил на его поиски все силы и время. Доверенные лица справлялись о молодом барине по всей округе, в газетах еженедельно назначалось вознаграждение за любую полезную информацию, два или три раза в полицию засылались взятки, но всё было безрезультатно. Вальдемар как в воду канул. Первое время Викентий Львович лично контролировал поиски, ездил в город, ругался с властями, писал в Санкт-Петербург, но постепенно истощив себя безрезультатными расследованиями, морально надорвался, и начал попросту пить. Пить много, каждый день, по-чёрному.

Лукин, по началу, желая поддержать барина пил вместе с ним, но вскоре обострил свою язву и больше к горячительным напиткам не притрагивался, чем вызвал гнев хозяина, и остался с голым жалованием, без премий и подарков. Яков Моисеевич был ещё не пожилым человеком, зимой ему стукнуло только сорок, и возможно, стоило поискать себе другое место, но Лукин всё ждал у моря погоды в надежде на благополучные перемены. От сухостоя сгорели два суконных амбара, товары, отправленные в Москву, едва себя окупили, пьянствовали крепостные, а Лукин всё ждал и ждал. Мер принимать ему не разрешалось, спорить с хозяином тоже.

Калидонский вообще больше не допускал против своей персоны какие-либо возражения. Услышав однажды, примерно через месяц после исчезновения Вальдемара, что один из соседей — помещиков говорил, мол младший — Калидонский и есть убийца-Карбункул, соотнеся факт исчезновения и новое убийство с разницей всего в сутки, Викентий Львович злостно разругался со всеми бывшими приятелями и оборвал связи. Срываясь, словно цепной пёс, на провинившихся, не провинившихся и просто на тех, кто попадался под горячую руку, хозяин пускал под откос: состояние, хозяйство и здоровье, становясь с каждым днём всё самодурнее и злее.

В фаворе у Калидонского оставались только собутыльники. Сутки на пролёт он пьянствовал со Штефаном, командиром гайдуков, и двумя молодыми бездельниками, Кириллом и Аркадием, которые вместе с Вальдемаром учились когда-то в гимназии, а теперь всячески набивались к пропавшему Володе в закадычные друзья. Для попоек у Викентия Львовича средства ассигновались всегда с размахом.

***

Рано утром на спортивную площадку пришла Анет. Вот уже как несколько месяцев она, сторонясь отца и его попоек, нашла себя в увлечениях брата. Тренируясь в верховой езде, прицельной стрельбе, сегодня она собиралась укреплять силу воли и висеть на турнике, без отдыха, сколько только сможет. Отец, в те редкие периоды времени, когда был трезв, сорился с

дочерью, не желая видеть вместо своей Анечки циркового трюкача, но получал грубый отпор, а порой даже очень грубый.

— Доброе утро. — Поспешал на спортивную площадку Яков Моисеевич. — Голубушка Анна Викентьевна.

— Доброе. — Болтаясь на перекладине ответила Аня.

— Извините что отвлекаю вас во время занятий гимнастикой. Понимаю, что не вовремя…….

Довольно, Яков Моисеевич. — Прервала его девушка. — Прошу без политесов, что вам угодно?

— Умоляю Вас, голубушка. — Лукин смотрел на Аню глазами побитой собаки. — Поговорите с отцом. Опять два кожевенных контракта мимо нас проходят. Заказчики с соседями договариваются, а рабочие вашего батюшки лыка не вяжут, пьют сволочи.

— А что Вы сами порядок не наведёте?

Лукин, потупив глаза, всхлипнул. — Викентий Львович запретил мне вмешиваться, сердится на меня за то, что я с ним пить, я извиняюсь, отказываюсь. Я ему говорил, у меня язва, а он в меня кочергой. Уж и не знаю зачем я здесь нужен? Что я за управляющий, если управлять не разрешают. Заступитесь голубушка, поговорите с папой.

Аня спрыгнула с перекладины. — Не даст позаниматься, вредина. — Подумала девушка.

Вот что, господин управляющий. — Сказала она так чтобы подбодрить Лукина. — Сегодня отец уже навеселе, кажется, а завтра, когда его похмелье ломать будет, мы его спозаранку и возьмём, насядем, пока он Вам не вернёт все полномочия.

— Благодетельница. — Лукин бросился ловить Анину руку, чтобы поцеловать.

— Э нет. — Отстранилась девушка. — Услуга за услугу. Намереваюсь я в комнату брата переехать, от отца и его гостей противных по дальше. Так вы распорядитесь сегодня же стены побелить, а то там всю зиму не топили, по углам плесень пошла.

— Да я бы с удовольствием, да сам бы белить в припрыжку побежал, но как же мы без дозволения батюшки вашего.

Аня нахмурилась. — Я Вам дозволяю, проявите уже характер наконец, Яков Моисеевич, а то мне начинает казаться……

Договорить Лукин не дал. — Моляры немедленно приступят, Анна Викентьевна, соблаговолите выдать ключи, я знаю, что комнату заперли после……

— После того, как мой брат пропал. — Сказала Аня твёрдо и беспристрастно. — Я тоже люблю Вальдемара и переживаю за его исчезновение, но не стоит бояться при мне напоминать об этом. Я уверена, что он отыщется, и всё будет как раньше.

Управляющий вытянулся во фрунт. — Тогда может займёте другие комнаты, Анна Викентьевна. Комнаты для гостей, например, в дальнем флигеле. Гостей у нас всё равно не бывает. Только эти двое, Кирилл и Аркадий. — Лукин поморщился, называя имена бездельников.

— Вот ещё. — Цыкнула Аня. — Я буду жить в комнате брата. Его окна выходят на задний двор, я намерена упражняться в стрельбе прямо из своего будуара, так что извольте приступить к ремонту немедленно, помимо стен, уверена, найдётся ещё что-нибудь подправить.

Лукин в полу-галопе пустился за молярами и плотником, а Анет, немного посетовав на незаконченную разминку, направилась в кабинет отца, за ключами.

Флигель — кабинет Калидонского никогда не запирался, но для спокойствия хозяина террасу всегда охранял один из гайдуков, устроившись во дворе под навесом, напротив двери, или в прихожей первого этажа. Этим утром Аня застала стражника храпящим прямо на ступеньках веранды.

— Дрыхнешь, проклятый. — Прикрикнула девушка, отвесив здоровенному бородатому мужику щелбан, на который только была способна.

Гайдук от неожиданности опешил, и ещё не продрав глаза уже отрапортовал. — Виноват господин фельдфебель.

Нил, ещё не так давно будучи рядовым царской армии, слыл примерным солдатом. В строю он привык слушаться любого, но по выходу в отставку обрюзг и совершенно распустился. Штефан гайдуков ругал редко, а Калидонскому последние полгода и вовсе ни до чего не было дела. Теперь же, когда его по стойки смирно поставила хрупкая девушка, к которой до этого момента он вообще относился как к ребёнку, громила Нил не знал, что делать.

Аня едва не разразилась смехом, но сдержавшись решила играть роль грозной хозяйки до конца.

— Смотри у меня. — Топнула она ножкой и прошла во флигель.

Нил так и остался стоять во фрунте. — Вашего папеньки нет в кабинете. — Робко сказал он вдогонку, не имея ни малейших указаний как вести себя с дочкой хозяина.

— А что мне папенька! — Не оборачиваясь, строго ответила Аня. — Дела имения требуют срочного внимания, теперь я здесь заправлять буду. Вот сегодня и начну.

Нил, приняв слова барышни за чистую монету, так и сел на ступеньках, а Анет, едва сдерживаясь, поднялась на второй этаж, влетела в кабинет, закрыла дверь и расхохоталась во весь голос. Ей вдруг очень понравился розыгрыш сторожевого, и та власть, которую она применила к гайдуку.

— Надо так и вести себя с ними. Прав Яков Моисеевич, пора их поучить уму разуму. Встряхнём поместье!

Ключи Аня нашла не сразу. Обычно они висели на дверной ключнице, но к удивлению, сегодня их там не оказалось. Оглядев кабинет, девушка остановила своё внимание на ящиках рабочего стола папеньки.

— Тоже закрыты. Эка невидаль. — Переговаривалась Аня сама с собой. Ещё маленькой она выведала что ключи от ящиков отец всегда прятал в коробке из-под сигар, что лежала на каминной полочке. Так было и в этот раз. Аня, удивлялась своей смелости и решительности, останавливаться она не собиралась.

— Вот он. — Победно изрекла девушка, открыв верхний ящик стола и вытащив большой чёрный ключ, от комнаты брата. — Пусть кто только попробует запретить мне переехать.

Девушка закрыла ящик, вернула сигары на место и довольная, что не пришлось объясняться с пьяным отцом, побежала вниз по лестнице. Ещё раз цыкнув на Нила, с которым столкнулась на веранде, Анет вприпрыжку миновала двор и почти уже пробежала мимо крыльца главного дома, когда её вдруг окрикнул пьяный голос отца.

— Дочка. — Калидонский с трудом спускался по ступенькам веранды. Небритый, с опухшим лицом и уже свежим перегаром, он напоминал трактирного забулдыгу, если бы не дорогой синий сюртук и орден с позолоченными каёмочками.

— Дочка. — Повторил он, придав голосу весь драматизм момента.

— Слушаю вас, папа. — Ответила Аня, давая понять, что разговор с пьяным, пусть и отцом, ей неприятен, и долго его продолжать она не намерена.

— Сегодня первое июля, надеюсь ты не забыла, что сегодня день рождения твоего брата.

Анет разумеется помнила, именно поэтому ей и захотелось вдохнуть новую жизнь в комнату Вальдемара.

— Конечно, я помню отец. — Дочь закатила глаза к небу, и спрятала чёрный ключ за спину.

Викентий Львович тяжело вздохнул и продолжил. — В память о Володе я собираю сегодня гостей в имении. Посидим, вспомним твоего брата ласковым словом. За чарочкой дела его добрые обсудим.

— Ключевое слово, отец, за чарочкой. Ещё один повод напиться до беспамятства. Давно ли вам для этого причина понадобилась!

Калидонский закусил губу. — Как ты можешь? Говорю же, гости соберутся.

— Да от ваших гостей, папенька, уже всё поместье плачет. Пригрел бездельников и барагозишь с ними, напропалую. А Вальдемар, к вашему сведению, про них даже и не упоминал никогда. Никакие они ему не друзья. Лоботрясы какие — то, водят вас во круг пальца, а вы и верите. Да Володя этих прощелыг бы и на порог не пустил. Кирилл и Аркадий, отродясь от брата про них слыхом не слыхивала.

— Замолчи. — Дрожащим голосом проскрипел Калидонский.

Анет знала этот приём уже довольно хорошо. — Сейчас слезу пустит.

Дочь терпеть не могла таких показных спектаклей. Уже привыкнув к рыданиям отца, который давил на жалость, когда не мог переспорить Аню, она решила и сегодня уступить родителю.

— Ладно, лишь бы раньше времени не узнал о моём переезде. — Подумала девушка. — В конце концов ничего со мной не сделается, если я часок за столом с этими лоботрясами посижу. За столом, кстати, и объявлю, что заняла комнату брата. Посмотрим как отец при гостях мне уступить не посмеет.

— Извольте, папенька, не сердитесь. Я разумеется выйду к ужину, буду почтительна к нашим гостям и покажу себя воспитанной и примерной дочерью и сестрой. Только давайте, папенька, без заупокойных речей на вечере. Вальдемар пропал без вести и говорить о нём, как об усопшем, я никому не позволю.

— Конечно, конечно, дочка. У меня и в мыслях не было превратить день рождения Володи в панихиду. Я помню ещё как он родился, как делал первые шаги, сказал первое слово.

Анет снова закатила глаза. — Дьявол. — Мысли в голове буквально свирепели. — День воспоминаний. Сейчас закатит свою песню, на два часа. Ещё, чего доброго, предложит выпить с ним перед ужином. Нет, нет, эти сопли на Сахалине решительно надо кончать.

— Папа, прошу вас, не сейчас. Мы вспомним всё это вечером, за столом, а пока у меня дел много, да и вам тоже, вероятно, надо отдать распоряжения о банкете и комнатах для гостей. Я вас оставлю, до вечера, перед гостями хочу выглядеть в полном блеске.

Аня театрально улыбнулась и быстрым шагом пошла прочь со двора. — Устрою тебе вечер воспоминаний, дурак старый.

***

Флигель, в котором располагалась комната Вальдемара, был самый дальний от основного дома и самым ближним к конюшне. Аня часто вспоминала, как брат, ещё совсем юным, любил крикнуть конюху. — Коня. — И вскакивая с подоконника прямо в седло, нёсся галопом со двора. Зная характер молодого барина, без труда можно было догадаться, какие именно апартаменты в Дубровицах он занимает. Двухэтажное строение, с коридором и всего одной комнатой. Верхний этаж переделан под голубятню, для турманов, тульских — пегих и высоколётных, которых брат обожал ещё ребёнком. В этом был весь Вальдемар. Неуёмный, безудержный, неистовый Вальдемар. Веретено — как называла его когда — то мама.

Анет сидела на огромном барском топчане, застеленном вместо простыни шкурой белого медведя. По стенам были развешаны чучела глухарей, диких уток, кабаньи головы, лосиные рога. Несколько старинных ружей и револьверов самой последней марки. В центре комнаты громоздилась большая изразцовая печь.

— Ничего не буду здесь менять. — Рассуждала Аня. — Оставлю всё как было при Вальдемаре. Когда он отыщется и вернётся домой, ему будет приятно, что я сохранила всё в первозданном виде.

Аня почувствовала, что её начинают поддавливать слёзы, и решив не давать волю эмоциям, срочно принялась искать чем в комнате можно отвлечь своё внимание.

— Шкаф, ну конечно, шкаф. — Девушка с прищуром уставилась на полированный, амарантный секретер. — Вот кто меня всегда бесил. Чудище какое — то, а не мебель. Сколько раз

говорила брату избавится от этого уродства. Не знаю, чем он устраивал Вальдемара, а я его в будуаре не потерплю. Я расположу в этой части комнаты зеркало и трюмо с пуфиком.

Настроение понемногу поднималось. — Интересно, пролезет эта махина в переднюю или его в окно выбрасывать придётся.

Девушка вскочила с топчана и буквально налетев на секретер, упёрлась сапожком в створ дверного косяка и попробовала спихнуть шкаф с места.

Аня удивилась собственной силе. Шкаф только на вид казался не подъёмной махиной, упор плеча и попы придали силовому движению нужный вектор и шкаф с лёгкостью проскрёб по дощатому полу. Примерно с полсажени он курсировал от двери к окну, пока не врезался в сундук с охотничьими трофеями. Секретер качнуло и, треснувшись лбом о боковую стенку, неуёмная новосёлка полетела на пол. Через секунду, в добавок ко всему, её макушку настигла зелёная книга в твёрдом переплёте, свалившаяся сверху.

— Ух. — Пробурчала девушка, потирая ушибленный лоб. — И чего я, глупая, сама этот шкаф двигать затеяла. Сейчас же придут рабочие.

Анет подняла зелёную книгу и хотела сунуть её в одну из полок секретера, но мимолётом листнула несколько страниц и вдруг застыла на месте.

То, что до этого скрывал зелёный переплёт оказалось не книгой. Это был здоровенный рукописный талмуд. Аня сразу узнала подчерк брата.

Первые десять страниц были исписаны мелким почерком, на немецком языке, которого молодая хозяйка не знала. Потом слова сменили химические формулы, карты районов, старательно нанесённые вручную на бумагу, и только на середине дневника, где листы были проложены закладкой, Анет встретила записи на русском.

1796 год. Жан Поль — описание эпохи романтизма.

Термин в литературе — двойник человека, проявляющийся как тёмная сторона личности. (Антитез, ангелу хранителю). Призрачная копия — предвещает беду, болезнь, чаще всего смерть. Зловещее Альтер эго. Воплощение скрытых страхов, внутренних конфликтов и заблуждений.

Далее шёл небольшой список фамилий.

Эдгар Алан По.

Роберт Луис Стивенсон.

Самуэль Картрайт.

Фёдор Достоевский.

На полях подчёркнутые жирной чернильной линией были ещё два слова.

ДОПЕЛЬГАНГЕР — КАРБУНКУЛ

Глава пятая

Почему мне никто не верит.

Гости съехались ближе к вечеру. Мужчины сперва прошли в кабинет Викентия Львовича, а через минуту туда же поспешала дворовая девка Дунька, неся с кухни маринованные кабачки и холодную телятину с хреном. Калидонский решил начать вечер тесным кругом, чтобы к столу спуститься уже изрядно подогретым. Из окна второго этажа флигеля кабинета повалил дым, донеслось стеклянное звяканье. Собутыльники курили, открывались старые запасы хлебного полугара.

Анет прогуливалась по лужайке, напротив окон комнаты Вальдемара. Она смотрела как пришли рабочие, развели извёстку и начали белить стены. Один из мастеровых, видимо плотник, возился с треснутым подоконником, меняя на нём доски. Та же Дунька протёрла пыль на чучелах, по стенам, и к семнадцати часам всё было закончено. Яков Моисеевич сам лично проводил Аню внутрь и показал ей результат ремонта.

— Ключи, Анна Викентьевна. — Расплылся он в реверансе, отдавая ключ от комнаты. — Пожалуйста запирайте сами, а окно я уже запер, так стены лучше впитают побелку и дольше не пожелтеют. Извольте, наши мужики очень старались.

Анет улыбнулась дворовым и потянулась к ручке двери. В последнюю секунду взгляд девушки ещё раз упал на резной столик стоящий в центре, на нём она оставила дневник Вольдемара. С тех пор как она увидела его в первый раз, её не оставляло странное чувство, предчувствие словно она чего-то не может вспомнить.

В коридоре моляры снова стали собирать леса, чтобы залезть с побелочными кистями под потолок, где тоже требовалось пройтись извёсткой, но Лукин уже не оставался с рабочими.

— Анна Викентьевна, — Заискивающе промяукал он. — Пора идти, мужики всё справно доделают, а нас с вами к семнадцати тридцати за столом ждут. Вы, наверное, желаете переодеться к ужину.

Аня даже не хотела думать о предстоящем застолье, но пересилив себя, ещё раз поблагодарила рабочих и убрав ключ в нагрудный кармашек, направилась на лужайку.

Вечер нагнетался с самого начала, Дунька ещё два раза бегала за закуской и в итоге Калидонский с мужчинами спустился к столу только в начале седьмого вечера. Все они громко разговаривали и Ане стало ясно, что самообладанию и терпению, на которые она так полагалась сегодня, предстоит серьёзное испытание.

Стол буквально ломился от разных кушаний согласно этикета и, что гораздо хуже, от изобилия: вина, коньяка и водки. Калидонский плюхнулся в кресло во главе стола и начал по-хозяйски распоряжаться какие места должны занять остальные. По правую руку от него расположились: Кирилл и Аркадий, далее Даниил Александрович Соболев, учитель Вольдемара по гимназии, который был дружен с Калидонскими ещё при отце Викентия Львовича и Модест Петрович Скуратов, зажиточный помещик, соседствовавший с Дубровицами и с которым Калидонскому каким-то чудом не удалось поссориться.

По левую руку сели: Валерад Рёдер, Штефан и Яков Моисеевич.

Из женщин за столом были только Анет и Натали. Гости прибыли без жён и дочерей, опасаясь под конец вечера свинского поведения хозяина и скандала. Сердить Калидонского никто не хотел, но вот близких привозить на так называемое день рождения никто не решался. Штефан даже распорядился двум гайдукам переодеться в лакейские ливреи и встать у стола, за спиной Калидонского, на случай если разбуянившегося и осерчавшего хозяина потребуется удержать от драки, а после под белые рученьки отнести в опочивальню. За такие дела можно было конечно и лишится работы, но Штефан знал, что после попойки хозяин на утро обычно мало чего помнит.

Нил и Агап едва дышали в тесных ливреях. Все лакеи в Дубровицах были очень стройные и статные юноши и на геркулесах-гайдуках их одежда буквально рвалась по швам. Раскрасневшись от стыда и неловкости, два амбала тупили глаза, переминались с ноги на ногу, но приказ Штефана оспаривать не осмеливались.

В такой компании девушкам оставалось только молчать. И Натали, и Анет, конечно, было что сказать, а иной раз даже и осадить распетушившихся подвыпивших нахалов, но омрачать такой день ещё и ссорой, в память о пропавшем брате и племяннике не желала ни та, ни другая.

Говорил за столом в основном Калидонский, он рассказывал о Вальдемаре от самого его рождения и до его отбытия в Пруссию. Выдумывая всё больше и больше не существовавших подробностей жизни сына, он много хвастался, заносился и быстро хмелел, забыв о своих обещаниях дочери. Гостям мало удавалось вставить в монолог хозяина, и все ограничивались дежурными фразами, на вроде. — Да, да, так оно и было. — Или. — Конечно, конечно, я помню, так и есть.

Рассказы меж тем плавно перешли от Вальдемара к самому Викентию Львовичу. Он всё больше хмелел, соревнуясь в выпитом с молодыми Кириллом и Аркадием, всё чаще вскакивал с места, доказывая какую-нибудь новую, бредовую идею, стучал кулаками по столу. Апогеем вечера стал орден, который Калидонский даже снял с сюртука и пустил по столу, разрешая рассмотреть награду поближе.

— Вы что же думаете, святую Анну за просто так дают? Да этой награде цены нет. Да при встрече со мной любой чиновник, средней руки шапку ломать должен. Да когда я в полицейский участок вхожу, эти архаровцы во фрунт вставать должны, чуять должны, кто перед ними.

Понимая, что разговор сейчас зайдёт о бездействии Тульской полиции в поисках Вальдемара, Валерад Рёдер по-отечески похлопал Калидонского по плечу и посетовал. — Что дорогой Викентий Львович, по поискам ничего нового, не отыскался след нашего дорогого Володи?

Пересуды о делах полиции на хозяина подействовал как на быка красная тряпка. — АААААА!!!!! Мерзавцы, скоты, бездельники. Недоумки одни в этом ведомстве, элементарных вещей не смыслят, два плюс три сложить не могут. Был я у них три дня назад, справлялся как идёт расследование.

— А они? — Встряли Кирилл и Аркадий.

— Что, что они!!! — Калидонский настолько опьянел что уже не различал кто с ним разговаривает. — Талдычат как попугаи: ничего нового, Викентий Львович, носом землю роем, Викентий Львович, занимаемся только вашем делом. Остолопы, придурки, ослы.

Аня едва выносила происходящее. Зажмурив глаза, она закрыла уши ладонями, едва сдерживаясь, чтобы не набросится на отца с кулаками и не наподдать как следует ему, а за одно и половине присутствующих. Дочь знала всю цену бахвальству отца. Три дня назад в Тулу он не ездил, и ни в какой полиции не был. Уже как четыре месяца дело по поискам Вальдемара было в непролазном тупике и, скорее всего, приостановлено, но из-за своих попоек отец этого не знал или не помнил.

Аня злилась и негодовала. Лицо её наливалось кровью. Ладони теперь сжимали уши с такой силой, что стало больно голову, и в тот же миг она была готова разревется прямо за столом, горькими, горькими слезами. Ещё секунда и это обязательно бы произошло, но кто-то взял девушку за руку и словно от волшебного дуновения ветра снял весь накал ситуации.

— Потерпи ещё немного. — Шёпотом сказала Натали, держа племянницу за запястье. — Вон сердце как колотится, такие перегрузки вредны даже в нашем возрасте, уж поверь сестре милосердия, поверь кавалерше медали «с риском для жизни».

— Кавалерше?! — Аня слегка повеселела.

— Да, кавалерше. Есть оказывается в Русском языке такое слово. И медаль такая тоже есть. Не такая красивая, конечно, как у твоего папеньки, но всё же медаль.

— Ох, уж этот папенька. — Аня шмыгнула носом и с раздражением посмотрела на другую сторону стола, где отец от парламентарных выражений перешёл уже на откровенную брань.

Натали отпустила руку племянницы. — Ну вот, пульс приходит в норму. Посиделки, я думаю, ненадолго, минут через пятнадцать можно будет уйти. Предлагаю скоротать время до сна в моей избушке. Чаю попьём. У меня есть изумительный крымский мёд и, кажется, грецкие орехи. Что скажешь?

Анет была готова расцеловать тётку, но сдержалась и только кивнула в ответ. Ей уже долгое время недоставало дома хороших подруг, и вот, наконец, в дремучем лесу завиднелся лучик света.

Викентий Львович меж тем всё ещё продолжал громить земскую полицию. — Ничего, ничегошеньки не соображают, ничего не умеют. Все дела в запустении, преступники по улицам разгуливают, в лесах разбойники, с фронта беглые дезертиры валом валят. Они и Карбункула этого ещё сто лет ловить будут, да так и не поймают.

Гости разом вздрогнули. Упоминание о серийном маньяке-убийце, да ещё и на людях, было в строжайшем запрете в Дубровицах. Тульское несчастье естественно касалось любого нормального родителя, брата, жениха, что тряслись за своих чад и возлюбленных, но затрагивать эту тему в присутствии женского пола, и без того перепуганного до смерти, было непринято. Правило уже давно утвердилось в здешних местах и все ему следовали, но Калидонский в таком состоянии отчёта себе не отдавал.

— Карбункул, Карбункул. — Перешёл пьяный хозяин на крик и вдруг лишившись последних сил качнулся вперёд и уткнулся лицом в тарелку.

Аня была в недоумении. Она знала кто такой Карбункул и в подробностях была осведомлена о его деяниях из газет, которые тайком таскала у отца ещё с тех самых пор, когда погибла первая девушка, но сейчас она вдруг вспомнила, что видела это слово в дневнике брата и, главное, она вдруг вспомнила второе слово. Слово написанное через тире с первым.

— Ну, конечно. — Произнесла Анет в слух. — В дневнике Вальдемара было написано Карбункул — Допельгангер. Допельгангер, этот непонятный термин о котором брата спрашивала та девушка, что приезжала в гости, когда Володя пропал.

Теперь Аня схватила Натали за руку. — Это что же получается! Значит Вальдемар знал это слово, раз оно было записано у него в дневнике. Ну конечно знал! Зачем тогда он соврал нам, что не знает его. Начал выдумывать что-то про самогон. Это очень странно. Для чего Володе делать записи про Тульского душегуба, если это не имело какого-то особого смысла, и почему запись через тире с этим странным Допельгангером.

Аня начала судорожно поднимать в памяти подробности того непонятного и трагического дня, когда пропал её брат. Она вдруг отчётливо поняла, что таинственное исчезновение Владимира безусловно связано со словом Допельгангер.

— Ну конечно, Наташа! — Анет уже буквально вцепилась в тётку. — Эта подозрительная особа подговорила нас, и мы всей компанией отправились спрашивать Володю что означает это слово. А он как-то странно насторожился, изменился в лице, наплёл нам какую-то околесицу и послал на кухню, дескать нас повар искал, а сам тем временем вскочил на коня и умчался вместе со своим денщиком. Вот как всё было! Та загадочная девушка обманула его, сообщила ему что-то, нам непонятное. Возможно она его заманила в ловушку. Она враг, шпионка, возможно она и есть тот самый Карбункул. Господи, как же её звали, как же звали-то её?!

— Роксана!!! — Наконец выпалила девушка.

— Роксана, верно ведь! — Обратилась она к Натали.

— Не знаю, душа моя, меня с вами тогда не было.

— Не было. — Прыснула Аня. — А кто был? Вы были, Яков Моисеевич. Вы гостей встречали, так ведь.

Яков Моисеевич Лукин моментально дрогнул от такого натиска. Его хозяин мирно похрапывал носом в тарелке и сам Лукин уже решил, что вечер обошёлся без происшествий и вдруг шорох начала наводить его младшая половина.

— Анна Викентьевна, голубушка, о чём вы?

— Да как о чём, Яков Моисеевич! Я о том дне, когда пропал Володя. Вспоминайте сейчас же, был праздник, готовилось застолье, гости приехали, ну вспомнили?!

— Вспомнил, вспомнил, ну и что?

— А то, что эта самая Роксана вела себя в тот день очень подозрительно. Всё чего-то высматривала, выслушивала, слово это странное назвала. Откуда она вообще взялась и куда делась, когда Вальдемар не вернулся?

Лукин начал запинаться и от волнения покрылся испариной. — Анна Викентьевна, мне кажется вы просто перенервничали сегодня. Я прекрасно помню эту Роксану. В тот день она прибыла в бричке раньше остальных гостей. У неё было письмо для вашего батюшки, от старой подруги, которая просила позаботится о дочери, на время пока…. — Лукин замялся.

— Пока не пройдёт двадцать пятое июля. — Подытожила Натали.

— Да, пока не пройдёт этот страшный день. Но это ровным счётом ничего не значит. Мнительная вы очень, Анна Викентьевна. Надумали бог знает, чего. Шпионка, ловушка, да не может такого быть. Переволновались вы, оно и понятно, мы все тоже переживаем из-за исчезновения Володи, но нельзя же подозревать всех и каждого.

Маленький кулачок Ани со всей силы обрушился на деревянный стол. — Идите вы к чёрту, Яков Моисеевич. Я же вам говорю, что слово после которого Володя ускакал в неизвестном направлении, я не далее, как сегодня днём видела в дневнике брата.

Каком дневнике, Анечка? — Вмешался в разговор Даниил Александрович.

Аня пристально осмотрела присутствующих. Кроме отца, которого ещё так и не достали из тарелки, на неё все смотрели с таким изумлением, словно она только что сбежала из сумасшедшего дома. Возможно, думалось ей, она и позволила себе лишнего, доказывая истину, но ведь это действительно правда, и в дневнике действительно было так написано.

— Не верите мне, извольте. Дневник находится в комнате брата, я сейчас принесу его, и вы убедитесь в правоте моих слов. Возможно на других страницах отыщется ещё кое-что важное.

Аня уже было направилась к флигелю, но её догнал Яков Моисеевич и аккуратно прихватил за локоть.

— Анна Викентьевна, куда же вы пойдёте? В коридоре побелка ещё не высохла, вы испачкаетесь, а может, даже поскользнётесь. Голову себе расшибёте, а я виноватым буду. Ваш батюшка тогда меня со свету сживёт. Прошу вас, барыня, отложить это до завтра, утро вечера мудренее.

Глава шестая

Где, где я вас спрашиваю?!

Поместье Дубровицы. 2 июля 1856 года.

Анет лежала на деревянном полу в своей комнате и упрямо уставилась в потолок, словно там, среди мозаичного узора деревянных ламелей, можно было найти ответ на интересующие её темы. Лежать на полу было твёрдо и неудобно, но девушка определённо решила, что раз в неделю она непременно будет спать именно так. Что это позволит ей сделать осанку более грациозной и укрепить характер.

Из головы не шёл вчерашний инцидент с дневником и с загадочными словами, записанными братом с пояснениями и ремарками. Анет вдруг стало ужасно интересно и важно разобраться в тайне этих записей. Ей казалось, что эта история и кроет ключ к разгадке исчезновения Вальдемара и только она одна сумеет докопаться до истины и спасти брата.

Несколько раз за ночь она вскакивала со своего неудобного ложа и бросалась к письменному столу делать записи всплывающих в памяти подробностей, которые сначала по несколько раз повторялись, потом смешались, потом перепутались.

— Допельгангер, Допельгангер, с Карбункул через тире. Самбор, денщик брата, тащил что-то тяжёлое в мешке, когда они вдвоём ускакали. Допельгангер, Допельгангер, он подчеркнул эти слова, кажется. Роксана приехала первая и сразу отослала коляску в город. Стоп, в дневнике были и какие-то фамилии написаны, кажется писатели, да точно Достоевский был, кажется Толстой, или нет Толстого не было. Допельгангер, Допельгангер.

Большая часть ночи прошла в подобных раздумьях и версиях, но на удивление, совершенно не измотала молодую девушку. Придавшись сну всего на два, три часа она проснулась совершенно не уставшая и снова начала думать, предполагать, докапываться. Детектив рождался в ней не постепенно, он освоился в юной головке в одну секунду, за несколько мгновений, и сразу неотвратимо взялся за дело, которое, как казалось ей, было делом жизни и смерти.

Солнце уже во всю било через изумрудные ветви тополей, растущих напротив окон спальни, когда, аккуратно постучавшись в дверь, в комнату ввалилась Дунька. Увидав барыню, лежавшую на полу, в одной ночной рубашке, не прикрытую, недвижимую, смотрящую в потолок, она невольно вскрикнула, попятилась и со всей силы ударилась затылком в дверь. Грохот моментально прервал расследование.

— Чего тебе, заполошная? — Зыркнула хозяйка, не двигаясь с места.

Дунька так едва и не села и даже схватилась за сердце. — Господи, барыня, я подумала вы не дышите.

— Дышу, дышу, чего припёрлась?

— А чего это вы на полу лежите?

— Лежу, значит надо. Упражнение такое, понятно? Даже сам государь — император Александр Павлович благословенный — так упражнялся, характер тренировал. Да что я тебе рассказываю! Ты же поди и не знаешь кто такой Александр Павлович. Да бог с ним. Ты что, к завтраку меня звать явилась, так вот скажи батюшке, что к завтраку меня не будет и что я на него обижаюсь, за вчерашнее.

Голос Дуни дрогнул. — Да нет, барыня, я не к завтраку. Ту это, тут стало быть, батюшка ваш…….

***

Народу у спальни Викентия Львовича собралось столько, что в коридоре было не протолкнуться. Здесь были все, кто имел в Дубровицах хоть какие-то полномочия. Приложившись ухом к двери, замер в ожидании Яков Моисеевич. Нервно курили у окна Штефан и Кирилл с Аркадием, оставшиеся после застолья на ночёвку. Охали, всплёскивая руками няньки и лакеи.

Бурчал поправляя свой белый колпак, непонятно для чего здесь находившийся главный повар. Аня прибежала к общему сборищу вместе с Натальей, которую она догнала у крыльца, но перепуганная Дунька ничего не могла толком объяснить, и только вся раскраснелась и хватала ртом воздух. Никто ничего не знал, но тут из спальни вышел доктор.

— Немедля вон все из коридора. — Скомандовал он, скрестив на груди руки. — Больному нужен воздух. Останьтесь только родственники и приказчик.

Коридор быстро начал пустеть. С доктором остались лишь Анет, Натали, Яков Моисеевич, Штефан, наотрез отказавшийся покидать хозяина и старшая над женской прислугой камер-фрау Эмма Витольдовна Диц, непонятно куда себя относящая к родственнице или к приказчице.

— Что случилось, доктор? — Осмелилась спросить первой Аня.

Да уж!!! — Доктор важничал и набивал себе цену. — Викентий Львович, сегодня ночью перенёс апоплексический удар, произошедший скорее всего от злоупотребления горячительными напитками. В результате сильный скачок давления и нарушение кровообращения мозга. Хорошо ещё, что меня ваш управляющий среди ночи с постели поднял, недуг на ранней стадии облегчить удалось, поражение организма остановлено.

— Господи. — Вскрикнула Аня. — Но тут же взяла себя в руки, понимая, что охами и вздохами делу не поможешь.

— Скажите, доктор, он поправится?

— Полагаю, что да, шансы на поправку хорошие, но потребуется время, качественное лечение и уход, надлежащий уход.

Последние слова доктор сказал с явным подтекстом на то, что пора обговорить суммы его гонораров.

— Забота близких в этом случае не годится, слишком критической была ситуация этой ночью. Я рекомендую, для ухода за больным услуги двух сиделок, которые будут дежурить по очереди. Сам я закажу, по своим связям, надлежащие лекарства, и буду курировать Викентия Львовича по мере необходимости. Это, конечно, будет стоить немалых денег, но мне известно, что ваша семья в средствах не ограничена, так что полагаю……

— Довольно. — Аня прервала демагогию доктора. — Вам заплатят сколько вы скажите.

Вместе с детективом в девушке просыпался и управленец. — Яков Моисеевич, выделите из фондов поместья для доктора надлежащие суммы, я разрешаю вам.

— Вы. — Хозяйка повернулась к Эмме Витольдовне. — Распорядитесь приготовить сиделкам комнаты, как можно ближе к спальне отца.

— Вы. — Последним на раздаче оказался Штефан. — Поезжайте с доктором и привезите в поместье двух сиделок, самой высокой квалификации.

Довольный деловой хваткой хозяйки, доктор вмешался в разговор. — Я напишу для сиделок записку и дам адрес. Пусть ваш надсмотрщик съездит один, а я, с вашего разрешения, останусь до вечера с больным. Это конечно, конечно……. — Доктору тоже стало не ловко.

— Будет подороже! — Уже не выдержав вмешалась Натали. — Надеюсь, любезный, ваше усердие прямо пропорционально вашим гонорарам. — Сказала она так, что прибывший светила науки сразу понял степень своего нахальства и вспомнил, что Калидонский в округе один, а вот врачей предостаточно.

— К нему можно? — Успокаивающе спросила Аня.

— Не стоит, голубушка. — Заискивающи ответил доктор. — Пока не стоит. Присутствие родственников ему сейчас нежелательно. Он может разволноваться, перенервничать, а этого сейчас категорически нельзя допускать. Покой, покой и ещё раз покой. Я тотчас скажу вам, когда будет можно.

Врач на цыпочках покрался обратно в спальню, а Аня и Натали направились на улицу.

— Как к вам обращаться, любезный? — Крикнули девушки в догонку.

— Семён Семёнович Цыцарский. — Ответил доктор уже почти скрывшись за дверьми спальни. — Медико-хирург, приказом от 1851 года. Проживаю в Зелёных Займищах, здесь неподалёку, в трёх верстах от Дубровиц. Повезло вам, однако, что я дома оказался. Не волнуйтесь, Викентий Львович в надёжных руках, поставим на ноги вашего папеньку.

— Хапуга ненасытный. — Уже шёпотом раздражительно говорила Натали на лестнице. — Повезло нам, конечно, дома он был, вот удача. Да где ему ещё быть, ночью, как не дома.

Анна вдруг остановилась. — Странно, сколько лет здесь живу, никогда не слышала про Зелёные Займищи.

***

День начинался прескверно. Удар, случившийся с отцом, очень сильно разволновал Аню, но она не на секунду не забыла о деле, которое так донимало её ночью. Сходив за ключом, который она с вечера положила в свой письменный стол, юная сыщица сразу же направилась в комнату Вальдемара. Встретившись во дворе с рабочими, которые выносили леса из коридора, она прошмыгнула мимо них и через минуту уже отпирала дверь своих будущих апартаментов. Ключ почему-то долго ёрзал в скважине пока наконец замок не щёлкнул. Дверь отворилась.

— Какого чёрта! — Аня сразу поняла неладное. Окно, из которого Вальдемар так любил выпрыгивать прямо в седло, окно, которое она оставляла вчера вечером закрытым, чтобы побелка быстрее высохла, было распахнуто настежь. Взгляд девушки мгновенно бросился к журнальному столику, на котором должен был лежать дневник. Столик был пуст.

— Какого чёрта. — Выругалась хозяйка ещё раз.

Выскочив на улицу, она была в не себя от гнева. Догнав рабочих, Аня едва не бросилась на них с кулаками, но тут на глаза попался Лукин, и горячая рука досталась ему.

— АААААА, вы то мне и нужны, Яков Моисеевич. А ну отвечайте немедленно, куда вы дели дневник Вальдемара?

Лукин даже съёжился от страха и втянул голову в свои тощие, хлипкие плечи.

— Господь с вами, Анна Викентьевна, о чём вы?

— Как о чём!? — Громогласный голос сотрясал всё поместье. — Я о дневнике брата, про который вчера вечером шёл разговор. О дневнике, который я оставила в комнате где белили стены. О дневнике с очень важными записями.

— Не знаю я не о каком дневнике, наверное, вы сами его куда-нибудь засунули и забыли.

— Я забыла, да я своими собственными глазами его видела, перед тем как закрыть дверь вчера перед ужином. Это вы, или ваши рабочие стащили его ночью.

— Как можно, барыня! — Голос Лукина прозвучал твёрже, управляющий стал защищаться. — Не знаю, что вы там потеряли, да только ни я, ни мои люди причастны к этому быть не могут. У нас и ключей-то от этой комнаты нету. Сами вспомните, ваш брат всегда их в кармане таскал, с ними он тогда и ускакал восвояси, а запасной ключ в единственном экземпляре, не верите так у папеньки своего спросите, когда он поправится. Один, один всего ключ оставался. Его я вам вчера и отдал.

— А я и не говорю, что вор дневника в дверь вошёл. Окно в комнате нараспашку было, когда я дверь отперла, а ведь вы его сами вчера затворяли, чтобы побелка скорее высохла.

Лукин даже осип от перепалки. — Затворял, ваша правда. Но возможно, я не запирал его, а прикрыл только, вот сквозняком его и распахнуло.

— Каким сквозняком! — Анна наступала. — На улице благодать земная, ветра ни ночью, ни утром не было.

— Да что же вы такое говорите, Анна Викентьевна!? Как же вы утверждать подобное можете, ведь ночью вы почивать изволили. Отдыхали вы, голубушка. И не известно вам, стало быть, был ночью ветер или нет.

Во дворе собралось куча народа. Свидетелями перебранки стали дворовые, гайдуки и Натали, очевидно, привлечённая злостными криками. Анет окончательно потеряв самообла-

дание, хотела ухватить горсть земли, чтобы запустить в Лукина, но вместо этого, лишь сжав кулаки, удостоила управляющего гневным взглядом и быстрым шагом направилась в комнату Вальдемара. Девушка была уверена, что дневник не пропал, а был именно похищен, но кто это сделал, выяснить только предстояло.

Аня буквально упала в топчан и закопалась лицом в подушку. Мысли снова пустились в пляс. — Допельгангер, Допельгангер, подчёркнуто два раза. Окно Лукин и вправду мог только прикрыть. А может и нет, он сам сказал, что не помнит. Допустим, что не врёт управляющий, а если не он, тогда кто. Допельгангер, Допельгангер, через тире написано. Карбункул — Допельгангер. Допельгангер, Допельгангер. Так кто же всё-таки дневник взял? Получается любой, кто за столом мой разговор слышал, а кто его слышал, да все, наверное, и слышали. Секрета я из этого не делала, стало быть любой дневник взять мог. Так кто же взял, и главное, для чего?

С улицы послышался непонятный деревянный скрежет. Аня вновь прервала расследование и подойдя к окну, выглянула во двор.

Под окном стояла Натали и внимательно рассматривала землю под ногами. — Ты, дорогая племянница, если решила в сыщиков играть, то для начала научись себя в руках держать и деталям внимание уделяй побольше.

— Чего?! — Негодующе уточнила Анет.

— Чего, чего. — Натали даже покачала головой. — Вот, смотри, на окне из-за которого у вас с Яковом Моисеевичем спор зашёл, штапик оторван, а на раме вмятина свежая. Мне кажется, что окно на ночь всё же запирали, и кто-то его аккуратно поддел и высвободил створку из шпингалета. Полагаю, это не очень сложно выполнить и проделали это определённо, чтобы выкрасть дневник.

— Звучит логично. — Протянула Аня внимательнее всматриваясь в повреждённую раму. — Но кто этот злоумышленник и зачем ему скрывать подробности записей брата? Мне кажется, это имеет отношение к его исчезновению.

— Согласна. — Натали ловко закинула ногу на карниз, подтянулась на подоконнике и через пять секунд уже была в комнате. — И что ты думаешь делать дальше?

Аня приблизилась в плотную к тётке и сказала ей на ухо. — Я думаю, мне надо ехать в город и нанести визит в полицейский участок. Сообщу им хотя бы то, что успела прочесть в дневнике до похищения. И про странности, творящиеся в Дубровицах расскажу тоже.

Аня поморщилась. — Пойду перед этим ослом, Яковом Моисеевичем, извинюсь и попрошу его кабриолет наш прогулочный запрячь.

— Сегодня ехать хочешь?

— Сегодня, тётя, сегодня. Пока папенька болен, надо отправляться. А то, даст бог, поправится на днях и не отпустит. Сегодня ехать, пока им всем не до меня.

Аня уже была в коридоре, когда Натали окрикнула её.

— Погоди минутку, дорогая племянница, только плащ возьму и вместе поедем.

— Зачем?

— Затем. В кабриолете два места.

Глава седьмая

Мы к вам по делу.

Гладенький, крепенький Буцефал с лёгкостью бежал с кабриолетом по просёлочной дороге, в сторону Тульской заставы. Отличавшись от заскорузлых упряжных лошадей, которых в Дубровицах насчитывалось порядка двадцати пяти, он, совсем недавно переведённый из жеребят в упряжные, сейчас во всю показывал свою силу и удаль. Натали и Анет затребовали его у конюха без разрешения Викентия Львовича, воспользовавшись недугом отца и тем, что Яков Моисеевич в последние два дня до смерти стал бояться Аню. Так или иначе, но сегодня молодая хозяйка делала всё без разрешения и отправляясь в поездку, якобы к своей городской подруге, у которой папа тоже доктор, она приказала ничего не говорить отцу, если спросит, чтобы не волновать его излишними переживаниями. Натали в Дубровицах ничьи разрешения не требовались.

Аня думала об отце. Страшно испугавшись за его жизнь, она чувствовала себя не в своей тарелке, когда в тот же день отправилась в город, но мысли её были верны. Как только отец встанет с кровати, расследования и поездки тут же прекратятся и тайна дневника останется нераскрытой.

— Да не переживай ты так! — Одёрнула девушку тётя. — Ты же видела, как там сейчас все хлопочут. И Лукин, и Эмма Витольдовна, прямо-таки под дверьми дежурят. Врач всё время с ним, скоро сиделки прибудут, лекарства нужные. Всё делается, а вот у тебя второго такого шанса может и не будет. Ты хочешь помочь брату или как?

— Конечно хочу, чего ты спрашиваешь?

— Тогда давай по порядку, чего важного мы знаем и чем можем помочь в розыске.

Аня достала из походной сумочки записную книжечку и карандашик, кабриолетом управляла Наташа.

— Итак, первое. В комнате пропавшего, будем называть Вальдемара согласно регламента, чтобы сыщикам было проще, обнаружен дневник, который, вероятно, ранее был скрыт от постороннего внимания.

— Второе. В дневнике содержались записи — между душегубом, убийцей, серийным маньяком, Карбункулом и странным словом Допельгангер имеется связь.

— Третье. Таинственная особа Роксана, после визита которой и упоминания об этом Допельгангере, Вальдемар, собственно, и пропал.

— И, наконец, четвёртое. При странных обстоятельствах дневник похищен, похищен из-под самого носа и это в тот момент, когда в Дубровицах уйма посторонних.

Натали одобрительно кивнула. — Неплохо для начала. Сразу видно, что в семейной библиотеке куча детективов хранится.

Анет улыбнулась. Ей вдруг стало очень легко в обществе Натали. — Я читала «Рассказы судебного следователя» и «Роман уголовной хроники».

— Господин Ахшарумов, если не ошибаюсь?

— Да. — Ещё больше оживилась Аня. — Николай Дмитриевич, обожаю его, особенно его последний детектив, «Концы в воду».

— Мой любимый. — Ответила Наташа. — Полно опасностей и приключений, прям как у нас с тобой. Если бы не пропажа Володи и не болезнь твоего отца, да ещё и, конечно, гибель этих четырёх несчастных девушек, я была бы благодарна проведению, что в моей жизни случилось что-то увлекательное.

Какое-то время девушки просто болтали, между тётей и племянницей зарождалась настоящая дружба, а опасности, о которых они так непринуждённо беседовали, их только ждали впереди.

Дорожные столбы, отсчитывающие вёрсты до города, привели путешественниц прямо к городской заставе, где девушки оставили Буцефала на постой и пересев в фиакр, попросили кучера отвезти их в полицейский участок. Аня совершенно не подумала, что в поездке будут расходы, но у Натали денег было достаточно.

— Что мы можем утверждать определённо?! — Рассуждала тётя. — О дневнике стало известно вечером, и на утро его украли. Я всё правильно говорю, ты уверена, что он лежал на столе, когда ты дверь запирала?

— Да, он точно был на месте.

— Стало быть, вор стащил его после того, как ты во всеуслышание заявила о нём за столом вечером. Значит вор боялся, что записи будут обнародованы, а, может, полагал, что в дневнике есть ещё чего-то важное и опасное для него. И уж совсем очевидно, что это сделал тот, кто сидел с нами за столом. Получается, в Дубровицах был некто, имеющий отношение к убийце Карбункулу, а может даже и сам убийца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.